

Тест по творчеству И.С.Тургенева.(решить и отправить на мой сайт)

1. Где и когда родился И.С Тургенев?

- а) в Москве в 1812 году. б) в Орле в 1818 году
в) в Спасском -Лутовинове в 1814 году. г) в Петербурге в 1812 году.

2. Какая женщина была музой и любовью всей жизни И.С.Тургенева?

- а) Ольга Ильинская б) Айседора Дункан
в) мать Тургенева Варвара Петровна г) Полина Виардо

3. В каком году вышел в свет роман « Отцы и дети»?

- а) в 1862 б) в 1859 в) в 1882 г) в 1879

4. Несостоятельность взглядов Базарова раскрывается:

- а) в идейных спорах Базарова и П. П. Кирсанова б) в любовном конфликте с Одинцовой
в) в диалогах с Аркадием Кирсановым г) в отношениях с Фенечкой

5. К какому сословию принадлежал Базаров?

- а) дворянство б) купечество в) разночинцы г) крестьянство

6.Как звали Одинцову?

- а) Ольга Сергеевна б) Анна Сергеевна
в) Агафья г) Елизавета

7. Почему Одинцова не ответила взаимностью на чувство Базарова?

- а) она не испытывала к Базарову чувства любви
б) она презирала Базарова, так как он был низкого происхождения, сыном лекаря.
в) она испугалась любви Базарова и решила, что спокойствие все-таки лучше всего на свете.
г) Базаров был всего лишь ей любопытен

8. Чем закончилась дуэль Базарова и Павла Петровича Кирсанова?

- а) смертью Базарова б) смертью Кирсанова
в) Кирсанов был ранен г) герои отказались от подобного способа решения споров

9.. Какова судьба Павла Петровича Кирсанова после дуэли и смерти Базарова?

- а) продолжает по-прежнему жить в имении с братом б) уезжает за границу
в) вернулся в Петербург я ведет светский образ жизни. г) вернулся на военную службу

10. И. С. Тургенева заслуженно называют «мастером русского пейзажа. Каков характер пейзажа в финальной сцене (у могилы Базарова)?

- а) романтический б) социальный
в) психологический г) философский

11. Как называлась усадьба Кирсановых?

- а) Спасское –Лутовиново б) Марьино
в) Кирсановка г) Калиново

12.Кому из героев произведения принадлежит портрет

«...он всегда выбрит, ходит в строгом английском костюме. Весь облик «изящный, породистый.». Несчастливая любовь к княгине Р. разбила его жизнь и карьеру. Придерживается старых « принципов».

- а) Базаров б) Аркадий в) Павел Петрович г) Николай Петрович

13. В основе романа «Отцы и дети» лежит конфликт:

- а) отца и сына Кирсановых (конфликт поколений)
б) помещиков и крепостных крестьян (социальный конфликт)
в) разночинцев-демократов и либеральных дворян (идейный конфликт)
г) Базарова и Одинцовой (любовный конфликт)

14.Кто такие нигилисты?

- а) художники, которые рисуют картины о море.
б) врачи, которые лечат только крестьянских детей
в) люди, которые не склоняются ни перед какими авторитетами.
г) люди, которые ненавидят дворянский строй.

15 Где похоронен И.С.Тургенев?

- а) Москве б) Петербурге в) Спасском-Лутовинове г) в Париже

Достоевский Фёдор Михайлович 1821-1881(конспект биографии)

- знаменитый писатель. Родился 30 октября 1821 г. в Москве в здании Мариинской больницы, где отец его служил штаб-лекарем.

В семье Достоевских было еще шестеро детей, Федор был вторым ребенком. Он рос в суровой обстановке, над которой витал угрюмый дух отца. Дети воспитывались в страхе и повиновении, что повлияло на биографию Достоевского. Редко выходя за стены больничного здания, они общались с внешним миром только через больных, с которыми тайком от отца иногда разговаривали. Самые светлые воспоминания детства связаны у Достоевского с деревней - небольшим имением родителей в Тульской губернии. С 1832 года семья ежегодно проводила там летние месяцы, обыкновенно без отца, и дети имели там почти полную свободу, что положительно влияло на биографию Достоевского Федора Михайловича.

1837 г. - важная дата для Достоевского. Это год смерти его матери, год смерти Пушкина, которым он с братом зачитывается с детства. В 1838 году братья Фёдор и Михаил с отцом приехали в Петербург для поступления в Главное инженерное училище. Отец вернулся в Москву и больше с ним сыновья не виделись. (в 1839 году получили известие о загадочной гибели отца кучером).

Свой творческий путь он начал повестью «Бедные люди» (1845г.), которая была похвально принята Н. Некрасовым и В. Белинским, им понравилась изображенная в ней трагедия маленького человека. Повесть принесла автору популярность, его сравнивали с Гоголем. Произошло знакомство с И. Тургеневым. Но следующие его произведения: «Белые ночи» (1848), «Неточка Незванова» (1849), были встречены критикой и Достоевский очень болезненно пережил негативные отзывы, начал отдаляться от И. Тургенева и Н. Некрасова.

Вскоре после публикации «Белых ночей» писатель был арестован (1849) в связи с «делом Петрашевского». Хотя Достоевский отрицал предъявленные ему обвинения, суд признал его «одним из важнейших преступников» и приговорил к смертной казни (22 декабря 1849). В последний момент осужденным объявили о помиловании, назначив наказание в виде каторжных работ. Один из приговоренных к казни, Григорьев, сошел с ума. Ощущения, которые он мог испытывать перед казнью, Достоевский передал словами князя Мышкина в одном из монологов в романе «Идиот».

Следующие 4 года Достоевский провёл на каторге в Омске. В 1854 году за хорошее поведение он был освобождён из каторги и отправлен рядовым в сибирский батальон. Служил в крепости в Семипалатинске и дослужился до лейтенанта. Здесь у него начался роман с Марией Дмитриевной Исаевой, женой бывшего чиновника по особым поручениям, к моменту знакомства - безработного пьяницы. В 1857 году, вскоре после смерти её мужа, он женился на 33-летней вдове.

В 1859 получает разрешение жить в Твери, затем в Петербурге. В это время публикует повести "Дядюшкин сон"(1857), « Записки из мертвого дома», (1860), роман "Униженные и оскорбленные" (1861). Почти десять лет физических и моральных страданий обострили восприимчивость Достоевского к человеческим страданиям, усилив напряженные поиски социальной справедливости.

Еще в 1862 году Достоевский влюбился в Апполинарию Суслову. Это была пылкая и активная натура, сумевшая разбудить в Достоевском чувства, которые он считал давно умершими. Достоевский делает Сусловой предложение, но она бежит за границу с другим. Достоевский бросается за ней, настигает любимую в Париже и два месяца путешествует с Апполинарией по Европе. Но страсть Достоевского к рулетке разрушила эту связь – однажды писатель ухитрился проиграть даже драгоценности Сусловой.

1864 г. принес Достоевскому тяжелые утраты. 15 апреля умерла от чахотки его жена, а 10 июня умер старший брат Достоевского- Михаил.

В 1864 были написаны "Записки из подполья", важное произведение для понимания изменившегося мировоззрения писателя. В 1865 писатель начал работу над романом "Преступление и наказание" (1866), в котором отразился весь сложный путь его внутренних исканий.

В январе 1866 года в «Русском вестнике» начинается печататься роман «Преступление и наказание». Это было той долгожданной мировой славой и признанием. В этот период писатель приглашает на работу стенографистку – молодую девушку Анну Григорьевну Сниткину, которая в 1867 г. становится его женой, став для него близким и преданным другом. Из-за больших долгов Достоевский вынужден покинуть Россию и уехать в Европу, где и находился с 1867 по 1871 гг. В этот период были написан роман «Идиот».

Последние годы жизни Достоевский провел в городе Старая Русса Новгородской губернии. Эти 8 лет стали самыми плодотворными в жизни писателя: 1872 - "Бесы", 1875 "Подросток", 1879-1880 - "Братья Карамазовы".

Начало 1881 года – писатель говорит о своих планах на будущее: он собирается написать вторую часть «Карамазовых». Но этим планам не суждено было сбыться. Здоровье писателя ухудшалось, и 28 января (9 февраля н.с.) 1881 в Петербурге Достоевский скончался. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

РОМАН « ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ч.1 гл.1 (прочитать)

Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз,

при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться. Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти пристаивания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал. Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! — подумал он с странною улыбкой. — Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесет, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!»

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться... А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» — и заорал во всё горло, указывая на него рукой, — молодой человек вдруг остановился и

судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.

«Я так и знал! — бормотал он в смущении, — я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, а не улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...»

Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя всё еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать *пробу* своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало всё сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою в — ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, «черная», но он всё уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен. «Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?..» — подумал он невольно, проходя в четвертый этаж. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: «Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...» — подумал он опять и позвонил в старухину квартиру. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Он так и вздрогнул, слишком уже ослабели нервы на этот раз. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. Но увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела.

Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

— Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, — поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

— Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, — отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.

— Так вот-с... и опять, по такому же дельцу... — продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи.

«Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», — подумал он с неприятным чувством.

Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед:

— Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем.

«И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!...» — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Всё было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; всё блестело. «Лизаветина работа», — подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», — продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

— Что угодно? — строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

— Заклад принес, вот-с! — И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.

— Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.

— Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.

— А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.

— Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

— А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

— Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

— Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

— Полтора рубля! — вскрикнул молодой человек.

— Ваша воля. — И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

— Давайте! — сказал он грубо.

Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал.

Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верхний ящик, — соображал он. — Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатою бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи... А впрочем, как это подло всё...»

Старуха воротилась.

— Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с.

— Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!

— Точно так-с.

Молодой человек спорить не стал и взял деньги. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...

— Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... — Он смутился и замолчал.

— Ну тогда и будем говорить, батюшка.

— Прощайте-с... А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет? — спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

— А вам какое до нее, батюшка, дело?

— Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

«О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...»

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения. Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же всё отлегло, и мысли его прояснили. «Всё это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, — и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения! Тьфу, какое всё это ничтожество!..» Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.